

Жамсаранова Р. Г.

ОНИМЫ НЕЛЮДСКИЙ ОСТРОГ (НЕРЧИНСКИЙ ОСТРОГ), НИКАНСКОЕ ЦАРСТВО И ГОСУДАРСТВО ГОУ-ГО В АСПЕКТЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ СЕВЕРНОЙ АЗИИ

Статья посвящена этнолингвистическому дискурсу проприальной лексики средневекового происхождения на территории исторической Даурии в аспекте межкультурных и межъязыковых контактов этнических сообществ, причисляющих себя к разным цивилизациям – кочевым и некоевым. Онимическая лексика способна не только «закодировать» в своем семантическом поле внутрикультурную специфику этнического сознания, но и выявить межкультурные особенности контактирования этнических сообществ.

Ключевые слова: *Нелюдский острог, Никанское царство, Гоу-Го, «песиглавы», никан(ы), громовник, Конурский род тунгусов, нелюди (полулюди), Государственный архив Забайкальского края, фратрии кетов Кэнтан, или Ханта.*

Этнонимы как один из наиболее информативных, но чрезвычайно сложных разрядов ономастики при обоснованном сопоставлении фактов собственно лингвистического и экстралингвистического характера, способны высветить моменты диахронного контактирования древних этносов в аспекте цивилизационных процессов. Многие этнонимно-экзонимные названия племен исторической Даурии доступны ономастике, истории, этнографии через интерпретацию зафиксированных названий «северных варваров» в китайских документальных источниках.

Отмечено, что при передаче онимов кочевых племен китайские хронисты добавляли в название варварского племени лексический элемент *-ню-* [n'u] в значении 'раб, слуга, холоп', превращая таким образом «варварский» этноним в экзонимное для китайцев название племени кочевников, что позволяло идентифицировать «чужих» (Хоанг, 1997). Лексический элемент *-ню-* [n'u] «различим» во многих исторических этнонимах Даурии: *хун-ну* [xiong-n'u]; *ки-да-нь* [chi-da-n']; *хам-ни-ган* [kha-mu-n'u-xan'] (см.: Жамсаранова, 2010: 121–125); *ни-кан* [n'u-kan], *найман* [n'u-mean]; русского калькированного *нелюди* (или *полулюди*) от *никан*, генонимах тунгусов *Никогир* или *Някугир*, топонимах Нелюдский острог (Нерчинский острог) (Жамсаранова, 2012). За пределами данной статьи остаются многие вопросы, связанные с проблематикой более глубоких межкультурных, межъязыковых и межэтнических взаимоотношений «цивилизованных» и «нецивилизованных» племен и народов Северной Азии, представляя собой своего рода историческую лакуну.

В рамках данной статьи ограничимся анализом экзонимного *нелюди*, от которого образован топоним Нелюдский острог исторической Даурии, который позже стал именоваться Нерчинским острогом. Краевед Н. Д. Музгин, ссылаясь на исследования отписок А. Ф. Пашкова забайкальским краеведом В. Ф. Балабановым, пишет, что «...А. Ф. Пашков называл возведенный острог в устье Нерчи не Нерчинским, а Нелюдским-Тунгусским» (Музгин, б/г: 15). По официальному царскому указу (1660–1661 гг.) при посылке И. Толбузина на воеводство данный острог позже был переименован в Нерчинский острог: «Послан я на службу великих государей... в Даурскую землю... Нерчинский острог... воеводе Афанасию Пашкову наперемени» (см.: Балабанов, 2003: 74).

Поэтому первый острог, построенный Пашковым в устье реки Нерчи в 1658 г., был назван им Нелюцким, т. е. Нелюдским. В официальных документах Пашков употребляет название острога как Нерчинский. Тунгусы Нерчинского уезда в документах XVII–XVIII вв. записаны как *полулюди* [6], что служит доказательством того, что от первых русскоязычных казаков Пашкова переписчикам инородческого населения стало известно их «прозвание» как *нелюди*. Полагаем, что от апеллятивного *нелюди*, коим «прозывали» аборигенное тунгусское население Даурии, и образовалось такое название, как Нелюцкий (Нелюдский) (острог). Очевидно, что имеющийся исторический текст архивных документов «Дело о переписи по Государству, мужеска и женска полулюдей 1816-го Года» (Государственный архив Забайкальского края: л. 3) позволяет определить стилистические варианты экзонимного прозвища тунгусов как апеллятивы *нелюди* и *полулюди*.

Определенный интерес вызывает название *нелюди (полулюди)* как в плане семантики экзонима, так и определения конкретного языка, посредством которого и образовалось это экзонимное именование нерчинских тунгусов. Возможно, что позднее *нелюди*, закрепившееся у пришлого русскоязычного населения за тунгусами Даурии, представляет собой кальку одного из древних этнонимов Северной Азии *никан* – туземного населения Никанского царства.

Никанское царство – так называлась территория с обитавшими в ее пределах народами, находившаяся к северо-западу от Великой Китайской стены. Никаны – так назывался народ Никанского царства, или,

по-другому, государства Гоу-Го Л. Н. Гумилева, территориально совпадающего с описываемым регионом.

В сочинениях иностранных путешественников Средневековья о Северной Тартарии упоминается загадочное «царство песеголовых» – царство Гоу-Го, которое, по их известиям, находилось у границ Китая. Еще армянский историк Гайтон (Гейтум) писал о народе, обитающем около Китая и по своему облику напоминавшем собак. В историческом трактате династии Чэу о находящемся на западе от Куен-Луна государстве собак дано подробное описание жителей страны Кеу (т. е. собак), которые «имеют тело человека, а голову собаки, длинные волосы, не носят одежд; их язык похож на собачий вой; все их жены имеют человеческий облик; они рожают мальчиков, которые становятся собаками, и девочек, которые становятся женщинами; потом они женятся и выходят замуж. Они живут в пещерах и едят все сырое» (Алексеев, 1932: 13 (комментарии к запискам Платона Карпини)).

Следует заметить, что исследователи ряда гуманитарных наук неоднократно пытались расшифровать этническую принадлежность этого загадочного народа, обитавшего в пределах страны Гоу-Го. Можно согласиться с трактовкой Д. Цыбикдоржиева о том, что так называемый песеголовый народ, т. е. *никаны*, на деле представляет собой некий кочевой трайб, своего рода мужской союз, где мужчины носят маску собаки. В «Истории государства киданей» встречается вариант легенды о царстве мужчин-псов: «Далее на север (от шивэй, которые населяли Даурию. – Д. Ц.) лежит владение Гоу-Го – Собачье царство. Народ здесь имеет туловище человека и голову собаки (маску пса. – Д. Ц.), покрыт длинной шерстью, поэтому не носит одежды. Голыми руками борются с хищными зверями» (Цыбикдоржиев, 2004: 354).

Представляется интересным изучение экзонима *никан*, который, как оказалось, имеет в тунгусо-маньчжурских языках ярко выраженное негативное значение, связанное как с именованием китайцев, так и с понятием ‘раб’, ‘слуга’. При этом часть апеллятивной лексики имеет помету «устаревшее», что можно понимать как слова, которые передают архаичные понятия и установки, существовавшие и функционирующие в тунгусо-маньчжурских языках со временем загадочных *никан* и не менее загадочного «царства Никанского».

Авторы выделили из «Сравнительного словаря...» следующие апеллятивы: *никан* (устар.) ‘разбойник’ (нег.); *н’иңка* (устар.) ‘раб’ (ороч.); *ниңка* (устар.) ‘работник’ (уд.); *н’иқа(н)* (устар.) ‘раб’ (ульч.); *н’ққа(н)* (устар.) ‘раб’; ‘слуга’ (ороч.); *н’иқа* (устар.) ‘раб’; ‘слуга’; ‘лакей’ (нан.), которые позволяют определить этноязыковую принадлежность слова *никан*. Обнаруживается одно из значений апеллятива, означающее понятие раба, слуги, работника, т. е. человека низкого социального происхождения, возможно даже, рабского.

Любопытно, что это именование раба, слуги (по-видимому, в более поздние эпохи) стало означать понятие, сопоставимое с экзонимным прозвищем «китаец»: *нихā* ‘китаец’ (сол.); *никан* ‘китаец’ (нег.); *н’иңка* ‘китаец’ (ороч.); *ниңка* ‘китаец’ (уд.); *Ниңка буани* ‘Китай’ (уд.); *ниқа* ‘китаец’ (нан.); *ниқан* [мн. ч. *ниқаса*] ‘китаец’ (ма.) – иногда ‘мужик’; ‘деревенщина’; ‘китайский’. Авторами выделено более 14 лексических словосочетаний с атрибутивным *никан* ‘китайский’ (Сравнительный словарь, 1975, 1977).

Каким же образом соотносить два противоположных семантических значения апеллятива *никан* – ‘разбойник’ (нег.); *н’иңка* (устар.) ‘раб’ (ороч.); *ниңка* (устар.) ‘работник’ (уд.) и проч. и *никан* ‘китаец’ (нег.); *н’иңка* ‘китаец’ (ороч.); *ниңка* ‘китаец’ (уд.)? Подобное сопоставление значений одного и того же апеллятива позволяет предполагать то, что первичное, а потому устаревшее значение апеллятива *никан* в тунгусо-маньчжурских языках выражает, возможно, некое этносообщество «варваров», т. е. нецивилизованное племя. Нельзя исключать, что этим сообществом прошлого могли быть племена собственно китайского, т. е. ханьского (вышедшие с юга) происхождения, которые поначалу были в рабском, подчиненном положении у поздних тунгусо-маньчжурских племен, особенно у возвысившихся маньчжуров эпохи Цинь. Впоследствии в связи со сменой политических сил на исследуемой территории именование *никан* в качестве презрительно прозвища перешло и на китайцев, что и зафиксировано в словарной статье «Сравнительного словаря», а также и на некое сообщество, оставшееся позднее в «Отписках» русских казаков XVIII в. под именованием *нелюди*, представляющим собой кальку лексемы *никан*.

В «Исторических записках» Сыма Цянь (II–I вв. до н. э.) упоминает, что все варварские народы Запада – жун(ы), по мнению цивилизованных жителей Поднебесной, делились ими на три группы: сижун – «западные жуны», шаньжун – «горные жуны» и юаньжун – «собачьи жуны» (Шавкунов, 1993: 23). Локализация юаньжун совпадает с частью территории, известной как историческая Даурия. Возникает закономерный вопрос – какая же этническая общность прошлых веков может быть отождествлена с песиглавами, с собачьеголовым народом, который был известен на далеком Западе со времен Плиния (I в. н.э.)? Следует отметить, что проблема идентификации песеголовых людей занимала многие просвещенные умы Европы. В XVII в. немецкий писатель Олеарий пытался объяснить наличие сведений о лю-

дах с собачьими головами или с лицом на груди своеобразным костюмом самоедов, сшитым из цельной шкуры и надеваемом поверх головы. В каких-то сочинениях пытались отождествить гипербореев-песиглавцев с монголами, так как «их строение головы, с выдающимися по обеим сторонам скулами» могло дать повод для появления подобных рассказов (Алексеев, 1932: 12).

Естественно, что однозначного ответа на вопрос об отождествлении какого-либо отдельного этноса или народа с «собачьим» народом быть не может. Однако сопоставление ранее приведенных фактов позволяет усмотреть некоторые типологические признаки, которые дают основание для выводов, приближающих нас к истине.

Исходя из того, что царство песеголовых людей локализовалось где-то в пределах исследуемой территории, обратимся к историко-археологическим фактам об историческом прошлом народов, имеющих более конкретные данные. В частности, это может быть история чжурчжэней – исторических предков маньчжуров. История чжурчжэней, впрочем, как и прошлое многих народов Северной Азии, состоит из череды межплеменных войн, междоусобиц, нападений и грабежей, во время которых племенам приходилось отстаивать свое право на жизнь. Имя чжурчжэней благодаря их военно-потестарному государственному образованию под названием Айсин-Гурун, которое они создали за весьма недолгий исторический период, прославило также их военное искусство и военное снаряжение (Шавкунов, 1993: 45).

Одним из видов воинского снаряжения чжурчжэней исследователи отмечают железную маску-личину. В эпоху развитого Средневековья маски-личины, выполнявшие роль забрала, были распространены по всей Евразии. Их использовали кипчаки, монголы, латники Сунского Китая. В. А. Туголуков (1975) пишет, что в преданиях забайкальских тунгусов-вакаров сохранились сведения о том, что их далекие предки были «вооружены железными пиками, защищали лицо железными масками».

Поэтому песеголовость мужчин можно объяснить ношением масок-личин в виде морды волка или собаки, что и дало повод для появления легенд о собачьеголовых людях, у которых только мужчины были собаками, а женщины имели обычный человеческий вид. Об этом, собственно, и пишет Д. В. Цыбикдоржиев.

Однако приведенные доводы по поводу появления в историографии понятия «песеголовых» людей, отражающие моменты межкультурного восприятия одним народом другого, основанного на факте ношения специфической военной маски-личины зооморфного характера, могут иметь вторичность по отношению к семантической нагрузке экзонима «люди-собаки». По мнению авторов, китайская идеограмма передала объективно существовавшую идею, переданную семантически посредством апеллятивного *никан* «человек-собака», учитывая древность происхождения онима. Именования племен в Средневековье имели, как известно, тотемное начало.

Тотем-собака, как и волк, – мифический прародитель многих центрально-азиатских этносов. С одной стороны, это «носители клыков», чье агрессивное поведение символизирует силу, мощь, потенциальное бессмертие, с другой стороны, высвечивается более древнее восприятие тотемного первопредка, чье агрессивное вмешательство способно удерживать социальный порядок. Эпоха Средневековья – это эпоха «жесточкого века», когда для установления относительного мира среди племен должен был возвыситься некий трайб, более могучий и более беспощадный и к себе, и к другим, чтобы иметь возможность устрашения остальных для подчинения себе во имя установления спокойствия. Вероятно, поэтому тотемный первопредок в образе волка или же собаки считается одним из наиболее распространенных образов Средневековья.

Известно, что тотем-собака является мифологическим прародителем многих центрально-азиатских племен Средневековья. О культе первопредка-собаки у монголов писал Г. Н. Потанин, приводя монгольское предание «Нохой-эртень» (Потанин, 1883). Во многих бурятских родах имеется подрод *нохой* «собака» (Цыдендамбаев, 1972). Сохранились легенды у некоторых групп селькупов о том, что их предком в далеком прошлом была большая черная собака (Быконя, 2007: 13).

Однако и это объяснение выбора тотемным животным собаки или волка также неполное и проявляет, по-видимому, этнокультурную специфику тотема. Можно предположить, что использование животных-символов следует воспринимать как некий код, который содержит в себе разные аспекты. Как показал лингвистический анализ, этноним в своей основе – это апеллятив, семантика которого обнаруживает еще один пласт кодифицированной семантики тотемного образа собаки или волка.

Для начала нужно вычленить корневую основу экзонима *никан*. Предварительно следует заметить, что проприальная лексика способна репрезентировать некоторые моменты межкультурного и межъязыкового общения, проявляя тем самым концептуальное видение «своих» и «чужих». Именно эти моменты межкультурного взаимодействия цивилизованного китайского мира и «северных варваров-кочевников»

и оказались зафиксированными посредством исторических онимов. При этом если понятие «чужой», переданное посредством приставки идеограммы *ню* «раб; холоп», обнаруживает моменты межкультурных отношений, то корневая основа самоназвания племени способна высветить моменты и внутрикультурной специфики древнего самосознания. В этих целях попробуем разобрать семантику корневой *кан-*, выделяемой в экзонимном *никан*.

Если в онимах *кидань*, *хунну* морфемное *-ню* находится в постпозиции, то в экзониме *никан* *ню-* [n'ʉ] стоит в препозиции, что может служить языковым доказательством «инородности» морфемы. По поводу этимологии этнонимно-экзонимного *никан*, калькированный вариант которого «остался» в архивных документах как полулюди, как *нелюди* в исторических онимах, заметим, что лексическое значение онимического *-кан* имеет очевидное самодийское начало. Отталкиваясь от гипотезы о самодийском этноязыковом происхождении онима, авторы полагают, что морфологически апеллатив *никан* состоит из двух разных лексем, а потому может быть разложен на ряд семантических апеллативов: *ню-* [n'ʉ] «раб, слуга; холоп» + *каңаң* «собака», что, по-видимому, и передавалось в китайской идеографии как «человек-раб-собака». Предположение обусловлено с учетом этнонимно-экзонимного начала онима *никан* как именованного аборигенного населения исторической Даурии (Никанского царства, или страны Гоу-Го «собака-страна» (кит.)). Следует пояснить, что данная этимология экзонима *никан* обусловлена как собственно лингвистическим (этимологическим), так и когнитивным содержанием значения онима.

Возникает закономерный вопрос – какую часть апеллатива *никан* можно сопоставить с когнитивным значением апеллатива «собака»? Очевидно, что ту часть, которую можно отделить от морфемы *ни-* < n'ʉ «раб, слуга; холоп» (кит.). Корнеслов *-кан* возможно сопоставить с апеллативным *каңаң* «собака» селькупского диалектного языка. Возможно, что селькупское *каңаң* «собака» в более ранних состояниях языка (к примеру, в диалектах остяко-самоедов, потомками которых считаются селькупы) могло иметь другую форму, более короткую, совпадающую с корнем *-кан*. Сопоставление структуры апеллатива *каңаң* могла принять настоящий вид как следствие исторического процесса «склеивания» двух морфем *кан-* + *-ан* (з) (ср. тур. *әң*, *eң* «яйцо») (сельк.). Известно, что в селькупской мифологии именем Кан назван сын небожителей Нума и Тэгэм, который являлся людям в образе собаки (Пелих, 1998: 38–39). Поэтому важно заметить, что предлагаемая гипотеза о когнитивном значении экзонима *никан* базируется как на мифологических воззрениях древних племен, расселенных некогда в пределах Северной Азии, так и на интерферентно-трансферентных языковых процессах в исторической ретроспективе. Важно напомнить, что в этнографии обычны переносы онимов (т. е. имен собственных) с обозначения неких народов, населяющих определенную территорию, на все остальные племена, которые оказались на тот период в меньшинстве, например, и потому «не заслужили отдельного прозвания». Так, в XI в. под именем югры стали известны русским и угорские племена, и остяки, и вогулы, равно как остяками именовались и кеты (енисейские остяки), и нарымские остяко-самоеды (поздние селькупы).

Потому экзоним *никан* как именование населения Даурии, или Никанского царства, – это такой же соционим, как и югра, и остяко-самоеды, и та-та-нь (татары), и тунгусы, и монголы и т. д. Имеется предположение о широком распространении этого названия на именованья многих племен и родовых объединений средневекового периода истории на определенной территории. Поэтому стоит ожидать наличия ряда этнонимных названий, являющихся рефлексом соционима *никан*. Например, в этнографии сибирских народов в свое время существовало название неких аборигенных племен *канак(и)*. Экзонимное *канак* возможно соотносится с апеллативом селькупского диалектного *канак* ~ *канан* ~ *канаң* ~ *кэннаң* ~ *қанак* ~ *қанак* ~ *қэннаң* ~ *қыннак* «собака» (сельк.) (Селькупско-русский диалектный словарь, 2005). Исследователи-селькуповеды отмечают образ собаки как один из наиболее важных образов, символизирующих собой тотемного предка, мифологического небожителя (см. работы Г. Н. Прокофьева, Е. Д. Прокофьевой, Н. А. Тучковой, Г. И. Пелих, В. В. Быкони), считающегося к тому же «...духом высокого ранга и, кроме этого, одной из ипостасей матери-прародительницы» (Карманова, 2013: 53). Поэтому возможно предположить, что морфемное *кан-* может представлять собой вариант поздних апеллативов *канаң* ~ *кэннаң* ~ *қанак* ~ *қанақ* ~ *қэннаң* ~ *қыннак* «собака».

Таким образом, этноним *никан* может быть разложен на ряд семантических апеллативов: *ню-* [n'ʉ] «раб, слуга; холоп» + *каңаң* «собака», которое посредством китайской идеографии передавалось как понятие «раб-собака-человек». Авторы полагают, что *юаньжун* и *никан*, совпадающие по своим семантическим значениям (собака-человек), синонимичны. В последующем вследствие стяжения первоначальной китайской формы *ню-* *каңаң* образовалось экзонимное *никан*, где гласная *-и-* в первом слоге объяснима русскоязычной почвой возникновения онима.

Семантическое содержание корневой основы этнонима *никан* *-кан* имеет идею уподобления индивида животному. При помощи острых клыков, ума и хитрости волку (собаке) удается реализовать понятие

власти, силы и превосходства. Возможно, что посредством этой разновидности кода в древних этнонимах и реализуется лингвистически репрезентированные психологические основы индивида как неотъемлемой части окружающей его природы.

При анализе вопроса образования кальки *нелюди* < *полулюди* выяснилось, что финальное *-кан* этнонима *никан* было, по-видимому, интерпретировано в русскоязычном сознании как слово, аналогичное китайскому апеллятиву *хань* ‘человек; люди’. Начальное китайское *ню-* [п’у] экзонима *никан* было воспринято ими как *ни-*, идентичное по семантике русскому *ни-/не-*, что опосредовало образование русского экзонимного *не-люди* для обозначения тунгусов Даурии в отписках русских. Не исключено, что калька исходного этнонима *никан* vs *нелюди* на почве русского языка приобрела отрицательное семантическое значение, возникшее по принципу вторичной номинации и объясняет документальное *полулюди*.

Появление экзонима *полулюди* в русских ревизских описях обусловлено, возможно, и недоказанным предположением того, что казакам Пашкова стали известны правила написания на китайском языке названий племен и народов «северных варваров». Так, известно, что «до реформы 1950 г. для обозначения „варварских народов“ китайцы использовали слова, корень которых часто выражал понятие животного начала. Эти идеограммы, по сути, обозначали кочевников как „людей-собак“, „людей-птиц“ или „людей-насекомых“» (Хоанг, 1997: 83). Так было, в частности, с ксионгну (хунну), ксианби (сьен-пэй), руан-руан (авары) или найманами – «варварами», жившими к северу от Великой стены, от *ли* или *мань* – южных национальных меньшинств Китая (Хоанг, 1997: 83).

М. Хоанг считает, что посредством идеограмм, обозначающих кочевников как «людей-собак», цивилизованные китайцы проявляли свое презрительное отношение к варварским народам. Однако языковой анализ генонимии нерчинских тунгусов и инородцев исторической Даурии позволяет воспринять китайские идеограммы семантически объективными и заключить о тотемно-анималистском происхождении родовых названий тунгусов и инородцев. Не исключено, что китайские идеограммы передавали действительное семантическое значение племенного названия, а не презрительное прозвище, за исключением транслитерированных вариантов племенных названий, когда добавлялось уничижительное *-ню-* [п’у] в значении ‘раб, слуга, холоп’ (Китайско-русский словарь, 1997: 658). В результате «вмешательства» патриотично настроенных хронистов в китайских документах появились такие названия северных кочевников, как *никан*, *найман*, *кидань*, *хунну*. Примечательно, что подобная традиция обозначения кочевых народов существовала у китайцев задолго до Рождества Христова, т. е. еще до нашей эры.

Также не исключена и другая версия этимологии экзонима *никан*, например, сопоставление апеллятивного корнеслова *-кан* с лексемой палеоазиатских языков. Так, по поводу корневой основы экзонима *никан* *-ка* (*н*) можно принять то, что наиболее приемлемой сходной формой второго морфемного элемента экзонима *никан* *-кан* является, по мнению авторов, реконструированный юкагирский корнеслов *ко*, *кон* или *кан* ‘человек’, отмеченный Г. Н. Куриловым (2003: 48) как древнее самоназвание юкагиров. Анализируя лексемы современного тундренного юкагирского *кодэ* ‘человек’; *конмэ* ‘друг’ (или в древности *контэ*) и факта наличия корней *ко-/куо-* в словах, выражающих и обозначающих мужское начало: *койши* ‘самец утки, гуся’; *куодьэду* ‘мальчик’; *койдиэ* ‘старший брат’; *куодьэлаамэ* ‘кобель’; *куодьэдилэ* ‘оленья стадо, состоящее из одних самцов’; а также *кэриэл* ‘волк’, Г. Н. Курилов (2003: 48–49) не без оснований говорит о лексико-семантическом сходстве слов-самоназваний коми, ханты, кеты, коты с возможной формой *кан* (*ко*, *кон*) ‘человек’. Любопытно, что типологически сходным с этой формой оказывается как бурят-монгольское *хун* ‘человек’, так и селькупское *кум* / *куп* ‘человек’.

Таким образом, выявляется языковая неоднородность и неоднозначность корнеслова *-кан* экзонима *никан*, которая этимологически сопоставима с апеллятивами и юкагирского, и селькупского языков. Однако осознание древности имени собственного *никан*, равно как и того, что образованные имена от этого слова – Гоу-Го, Никанское царство или «страны песиглавцев» – заставляют углубиться в концептуально-когнитивную структуру лексемы.

При дальнейшем анализе обнаружился более близкий и по времени, и по территории расселения древних *никан* язык, сопоставимый по времени своего функционирования с юкагирским. Этим языком является, скорее всего, какой-то из енисейских языков. И реликты языкового сознания могут иметь языковую рефлексию в каком-то более древнем языке, чем, к примеру, какие-то из алтайских. Не исключено, что этим языком-койне мог быть некий диалект остяко-самодийских племен или же какой-либо иной, однако близкий к одному из современных уральских языков.

Так, в кетском диалекте селькупского языка обнаруживается лексема *қәнэй кум*, которая означает экзонимное ‘кет, енисейский остяк’ и является, по мнению авторов, самоназванием какой-то этнической группы или же экзонимом (Селькупско-русский диалектный словарь, 2005: 72). Корневая основа *қаң* ‘гром’ входит в ряд селькупских лексем, определяющих понятие грома, грозы, например *қәнном* / *қанум* ‘гроза’.

Предвосхищая последующие выводы, следует сказать об этнокультурной специфике подобной семантической корреляции, эксплицирующей понятие верховности, всесильности, верифицированной посредством лексем *хан*, *каган* алтайских языков. Во всяком случае данное сопоставление не исключает того, что в основу титулярной лексики *хан*, *каган* как тунгусо-маньчжурских народов, так и тюрко-монгольских могло лечь именно этнонимно-экзонимное именование кетоязычных остяков, составивших, возможно, основу нерасчлененной этнически неоднородной массы Никанского царства.

Данное исследование показало, что семантика морфемного *кан-*, входящего в титулы тунгусо-маньчжурских, тюрко-монгольских языков (чжурчжэньское *han-ngan-ni* < *ha-γan* ‘император’; маньчжурское *хан* ‘государь, верховный владыка’; ‘царь’; эвенское *кауэн* ‘старик’; ‘здоровый, живучий человек’; ‘живучий’; ‘медведь’ (Цинниус, 1962: 46); *хаган* или *хан*), как и селькупского *қаңном / қанум* ‘гроза’, именованная *қәнэй қум* – ‘кет, енисейский остяк’, связана с древним понятием громовника. Г. Н. Потанин записал сведения об алтайском громовнике, называемом Кайракан, которому идентичны по функциям бурятский Хан-Тюрмас и алтайский Кам-курмось, монгольский Гурбустен-хан, имеющие сыновей, согласно мифам. Согласно бурятским мифам, у грома имеется трое сыновей – солнце, месяц и огонь.

Наблюдения Г. Н. Потанина дают основание полагать об очевидной семантической корреляции мифонимов с эпитетом Сагаан ‘белый’ монгольских языков (Цагаан Убгэн – Белый старец (букв.), Сагаан Дара-эхэ – Белая Тара, Тэнгэр Цагаан Хан (букв. Небо-Белый-Хан), Цагаан Буруу как прежнее название созвездия Большая Медведица – Окторго Долон Бурхань) с тувинским Орон-Дэлхэй, алтайским Кайраканом и даже с именем Белого царя – Цагаан Хан (т. е. букв. Белый царь, как называли буряты императора Российского государства). Действительно, пантеизация сил природы в сознании человека привела к появлению антропоморфных образов быка / кентавра, Белого старца или же Кайракана-громовника, Тэнгэр Цагаан Хана и т. д. Те из них, которые имели конкретный животный образ, стали исполнять роль тотемных первопредков этнических сообществ, культурного героя, устроителя жизни.

В монгольской генонимии лексема *цагаан / сагаан* “белый” отражает концептуальный образ всего существа, архетипическое начало всего живого на Земле, приобретшее со временем широкое мифопоэтическое распространение. Архетип *цагаан* в монгольской мифологии олицетворяет само небо, космос, т. е. то энергоинформационное поле, которое питает землю и дает жизнь (читай: «оплодотворяющее землю») (букв.).

Благодаря союзу Земли и Неба в мир являются правители, государи, цари, князья и прочие, т. е. «сыны неба». С монгольским *цагаан* соотносится тюркское *көк* синий, голубой, коррелирующее семантически с селькупским *көк* ‘царь; государь; правитель; князь’. Солярность образа быка или козла семантически соотносима с бурят-монгольским атрибутивом *хухэ / хух* ‘синий, голубой’, которое в бурятской мифологии имеет значение ‘сивый (пороз)’. У ряда народов образ быка-пороза идентифицировался с образом оленя-самца, оленя-производителя, олицетворяя, таким образом, его оплодотворяющую, живительную силу и самцовую мощь.

Также вполне допустима мысль о том, что пантеон солярных образов мог включать еще и образ собаки, который, по мнению авторов, является наиболее древним, а потому с трудом поддающимся лексикализации. Однако первый элемент экзонима *қәнэй қум* ‘кет, енисейский остяк’, где *қан* идентично лексеме *қаңном / қанум* ‘гроза’, чжурчжэньскому *han-ngan-ni* < *ha-γan* ‘император’; маньчжурскому *хан* ‘государь, верховный владыка’; ‘царь’; эвенскому *кауэн* ‘старик’; ‘здоровый, живучий человек’; ‘живучий’; ‘медведь’; форме *каһан* обращению-эпитету по отношению к медведю как ‘ведун’; а также эвенскому *каган* или *каганкан* ‘главы рода’, ‘самый старший, мудрый и сильный шаман’; равно как и тюрко-монгольских *хан*, *каган* ‘верховный правитель’ может иметь начало в понятии *қанән* ‘собака’ (сельк.).

Во всяком случае на вероятную прототипичность этого образа наводит то, что и название фратрии кетов Қэнтән, или Ханта, как и именование тунгусо-маньчжурского титульного верховного владыки, государя, императора, лексически сопоставимо с экзонимным обозначением кетоязычных енисейцев-остяков – *қәнэй қум*, по-другому – «людей с Запада», т. е. людей, прибывших с западной стороны по отношению к имядателью. «Осталась» эта информация зашифрованной в виде загадочного названия страны собачьеголовых людей, корни происхождения которых, вероятно, связаны с югом центрально-азиатского континента, не исключая и Тибет. Известно, что на Тибете глубоко почитают собаку, считая ее своим тотемным первопредком. Отголоски этого весьма древнего исхода сохранились как в апеллятивных, так и в фондах проприальной лексики уральских и алтайских языков. Попробуем разяснить причины подобного частного вывода.

Обращает на себя внимание морфема *ка (л)* – мифонима Калесь, практически совпадающая с именем небесной собаки *Ка* нанайцев; кетского трикстера по имени *Каскет* (Иванов, 1982: 132–143), а также с кетским апеллятивом *кКн’иң*, *кКн’аң* ‘люди’ (так, по представлениям кетов, медведи называют людей, кетов) (Хелимский, 1982: 241; Крейнович, 1978: 37), сопоставимым, в свою очередь, с экзонимным *қәппиң* ‘кет’ (Хелимский, 1982: 240).

В свою очередь, представляется возможным связать представленные Е. А. Хелимским лексические параллели экзонимных именовании енисейских остяков с таким апеллятивом, как *канак* ~ *канан* ~ *канаң* ~ *кэннаң* ~ *қанак* ~ *қанақ* ~ *қэннақ* ~ *қыннақ* 'собака' (сельк.). Сопоставление обнаруживает некое лексическое тождество, позволяющее выявить архетипически релевантное понятие образа собаки. В свою очередь, корневую основу обозначения собаки *кан-қан-* в селькупском языке возможно сопоставить с апеллятивами *қаң* ~ *қаңном* ~ *қанном* ~ *қанум* (сельк. кет.) 'гром; гроза; молния; град', в попытке связать образ собаки с громовником, корневая часть которого «осталась» в экзонимном *никан* исторической Даурии.

Следует напомнить, что и морфема *қан-* словосочетания *қанэй қум* 'кет', 'енисейский остяк' также обнаруживает лексико-семантическое сходство, позволяющее усмотреть в этнонимах кетов как Қэнтан, или Ханта, равно как и Хонигетский, представляющие собой родственные рода фратрии Богдэй и переводимые как «ударивший огнем», т. е. громовник. Возможно, что название А. Кастрена «канский народ», т. е. Ханта, возможно понимать как «огненный народ», или, что ближе семантически к понятию громовника, «громовой народ», в противовес названию другой фратрии кетов Ольгыт, записанных А. Кастреном как «водяной народ». Очевидным становится древнее восприятие человека об образовании той природной силы – грома, которая способна породить все живое на Земле, будучи образованной в результате союза двух племен, к примеру, «огненного» народа с «водным».

Также не исключаем и того, что лексически в одном и том же ониме могло произойти так называемое наложение смыслов, объясняемое омонимией. В кетском языке коршуна или ястреба означают лексемой *қа'н* / *қааң* 'коршун, ястреб', что, в свою очередь, типологически схоже с именованием собаки в селькупском *қан(ан)*, олицетворявшее посредством лексики «небесное» происхождение как образа коршуна (ястреба), так и образа собаки.

Г. М. Василевич (1969: 269) отмечала наличие родов *Қаңай* ~ *Қаңагир* ~ *Қаңалас*, *Қаңай* ~ *Ханай* в XVII в. в районе Олекминского острога, между Алданом и верховьями правых притоков Лены, относя их к тунгусским родовым сообществам. Выходит, что некогда существовали рода, в именовании которых различима искомая основа *қан-*, которую возможно интерпретировать или посредством кетского апеллятива *қааң* 'коршун, ястреб', или селькупского *қан* 'собака', помня о том, что эти родовые названия могут быть родовыми именами средневековых сибирских *канак(ов)*. Однозначно семантически интерпретировать именование тунгусских родовых названий *Қаңай* ~ *Қаңагир* ~ *Қаңалас*, *Қаңай* ~ *Ханай* XVII в. не представляется возможным, так как под этими названиями, представляющими собой чрезвычайно древнее население Азии, могла быть именно та этноязыковая общность, из которой позже выделились и юкагиры, и тунгусо-маньчжурские племена, не исключая и кетоязычные.

Необходимо добавить, что изученное состояние топонимического субстрата Восточного Забайкалья позволяет констатировать наличие довольно плотного слоя кетских и самодийских топонимов, относительно хорошая языковая сохранность которых дает возможность утверждать о преемственности автохтонного населения региона в исторической ретроспективе.

В отношении концептуального значения онима *никан* с большей долей вероятности можно предположить следующее. Согласно многим мифологическим сюжетам образ собаки в архаическом сознании был тесно связан с понятием воды, водной стихии. А образ коршуна (ястреба), наложившийся на поздний образ орла в мифологии, в том числе и сибирской, олицетворял собой понятие огненной стихии, огня. Союз или соединение этих стихий порождало некую третью силу, истоки которой могут быть связаны с понятием грозы, громовника, семантически развернутым уже в ономастической репрезентации. Своего рода языковым подтверждением гипотезы о наличии какого-то прото-онима, давшего начало поздним, в том числе и зафиксированным в архивных документах о даурских тунгусах, является наличие генонима Конурский [6], семантику которого авторы склонны интерпретировать от апеллятивного *қан*.

Таким образом, исследование проприальной лексики, особенно такой давней, как родоплеменные этнонимно-экзонимные названия *никан*, *нелюди (полулюди)* или Гоу-Го, включая и более поздние генонимы тунгусов исторической Даурии (Жамсаранова, 2013), позволяет проникнуть не только в мифологическое пространство древнего этнического сообщества, но и обнаружить когнитивно-концептуальную систему этнокультурных ценностей этноса, имеющую языковую верифицированность в виде проприальной лексики. Древнее дихотомическое начало дуально-фратриального племенного объединения енисейских остяков, обнаруживающих в своих наименованиях древнее понятие родства человека с первичными стихиями – водой и огнем, как это ни странно, осталось в своем частичном варианте в экзониме *никан*, как и в названии целого государства под именем Гоу-Го китайских хроник. Обнаружить данное оказалось возможным при изучении таких онимов, как Нелюдский, или Нерчинский, острог, при сопоставительно-сравнительном анализе экзонимов *никан*, *юаньжун* в аспекте средневековых межэтнических и межязыковых процессов, опосредованных цивилизационными контактами народов и племен Северной Азии.

Список литературы

- Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей XIII–XVII вв. Т. 1 / введ., ред. и коммент. М. П. Алексеева. Иркутск: КрайГИЗ, 1932. 368 с.
- Алексеев Е. А. Кеты. Л., 1967. 266 с.
- Балабанов В. Ф. История земли Даурской. Чита: Эффект, 2003. 400 с.: ил., фот.
- Быконя В. В. Самодийское направление // Сравнительно-исторические и типологические исследования языка и культуры: проблемы и перспективы: сб. науч. тр. и материалов. Томск: Изд-во ТГПУ, 2007. Вып. 3. С. 13, 16.
- Василевич Г. М. Эвенки. Историко-этнографические очерки (XVIII – нач. XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Государственный архив Забайкальского края. Ф. 1, оп. 1/5, д. 17513.
- Жамсаранова Р. Г. О гониме Гучитский // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (Tomsk State Pedagogical University Bulletin). 2013. Вып. 10 (138). С. 132–135.
- Жамсаранова Р. Г. Нелюдский острог (Нерчинский острог), Нелюдский род тунгусов: этноязыковая принадлежность онимов в аспекте цивилизационных процессов Северной Азии // Культуры степной Евразии и их взаимодействие с древними цивилизациями. СПб.: ИИМК РАН; Периферия, 2012. Кн. 2. С. 555–561.
- Жамсаранова Р. Г. Этнонимия Даурии: проблемы диахронного контактирования этносов // Материалы XII Междунар. науч. конф. «Ономастика Поволжья». Казань: Казанский университет, 2010. С. 121–125.
- Иванов В. В. Кетско-американские связи в области мифологии // Кетский сборник: Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика / отв. ред. Е. А. Алексеев, И. И. Гохман, В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Л.: Наука, 1982. С. 132–144.
- Карманова Ю. А. Лексический пласт зоонимов в селькупском языке (междialeктный сравнительно-сопоставительный анализ): дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 166 с.
- Китайско-русский словарь / под ред. Ся Чун И. Пекин: Изд-во Ун-та иностр. языков г. Шанхая, 1992. 1250 с.
- Крейнович Е. А. О некоторых юкагирско-уральских языковых параллелях // Советское финно-угроведение. 1978. № 4 (14). С. 241–249.
- Курилов Г. Н. Лексикология современного юкагирского языка. Новосибирск: Наука, 2003. 288 с.
- Музгин Н. Д. К истории основания Читы и Нерчинска. Нерчинск: Нерчинский краеведческий музей, б/г. 22 с.
- Пелих Г. И. Селькупская мифология. Томск, 1998. 78 с.
- Потанин Г. Н. Очерки северо-западной Монголии. СПб., 1883. Вып. IV. 1024 с.
- Селькупско-русский диалектный словарь / под ред. В. В. Быкони. Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. 348 с.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю: в 2 т. / отв. ред. В. И. Цинциус. Л.: Наука, 1975. Т. 1. 672 с.; Л., 1977. Т. 2. 992 с.
- Туголуков В. А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М., 1975. С. 78–110.
- Хелимский Е. А. Кето-Uralica // Антропология. Этнография. Мифология. Лингвистика: кетский сб. / отв. ред. Е. А. Алексеев, И. И. Гохман, В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Л.: Наука, 1982. С. 238–251.
- Хоанг М. Чингисхан. Ростов н/Д: Феникс, 1997. 352 с. (Серия «След в истории»).
- Цинциус В. И. О названиях, связанных с понятием «народ» в тунгусо-маньчжурских языках // Acta Orient. Hung. Separatum. Т. XV, Fasc. 1–3. Л., 1962. С. 41–48.
- Цыбикдоржиев Д. В. Мужской союз, дружина и гвардия у монголов: преемственность и конфликты // Монгольская империя и кочевой мир. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. С. 334–362.
- Цыдендамбаев Ц. Б. Бурятские исторические хроники и родословные: историко-лингвистическое исследование. Улан-Удэ, 1972. 662 с.
- Шавкунов В. Э. Вооружение чжурчженей XII–XIII вв. Владивосток, 1993. С. 38.

Жамсаранова Р. Г., доктор филол. наук, доцент, профессор.

Забайкальский государственный университет.

Ул. Александрово-Заводская, 30, Чита, Забайкальский край, Россия, 672039.

E-mail: rebeca_zab@mail.ru

Материал поступил в редакцию 07.04.2014.

Zhamsaranova R. G.

THE ONYM NELYUDSKY OSTROG (NERCHINSKY OSTROG), NIKAN TSARSTVO AND CHINESE GOU-GO IN THE ASPECTS OF CIVILIZATION PROCESSES ON THE TERRITORY OF NORTHERN ASIA

The paper deals with the ethno linguistic discourse of some proper names of medieval origin from the perspective of cross-cultural and cross-linguistic contacts of the two types of ethnoses – the nomadic pastoralist and non-nomadic. The proper names are considered to code intercultural specificity of the ethnic mind, as well as to reveal the cross-cultural peculiarities inside the semantic field of onyms.

Key words: *Nelyudsky Ostrog, Nerchinsky Ostrog, Nikan Tsarstvo, Chinese Gou-Go, “dog-headed” people, Nicans, “gromovnik”, Konursky tribe of Tungus, nonhumans/ half-people, State Archive of Zabaikalsky Krai, fraternal names of kets Kentan or Khanta.*

References

- Alekseenko E. A. *Kety* [The Kets]. Leningrad, 1967. 266 p. (in Russian).
- Alekseev M. P. *Sibir' v izvestijah zapadno-evropejskikh puteshestvennikov i pisatelej XIII-XVII vv.* [Siberia in the news of Western European travelers and writers of XIII–XVII centuries]. Vol. 1. Irkutsk, KrayGIZ Publ., 1932. 368 p. (in Russian).
- Balabanov V. F. *Istorija zemli Daurskoj* [The history of Dauria land]. Chita: Effect Publ., 2003. 400 p. (in Russian).
- Bykonya V. V. Samodijское направление [Samoyed direction]. *Sravnitel'no-istoricheskie i tipologicheskie issledovanija jazyka i kul'tury: problemy i perspektivy: sb. nauch. tr. i materialov* [Comparative-historical and typological studies of language and culture: problems and prospects: compilation of scientific works and materials]. Tomsk, TSPU Publ., 2007. Vol. 3. Pp. 13, 16 (in Russian).
- Kitajsko-russkij slovar' [Chinese-Russian dictionary]. Ed. Sya Chun I. Beijing, Publishing House of University of foreign languages of Shanghai Publ., 1992. 1250 p.
- Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskij jazykov: materialy k jetimologičeskomu slovarju* [Comparative Dictionary of Tungus languages. Materials for etymological dictionary]. 2 vol. Ed. V. I. Tsintsius. Leningrad, Nauka Publ., 1975. T. 1. 672 p.; L., 1977. V. 2. 992 p. (in Russian).
- Helimskij E.A. Keto-Uralica [Keto-Uralica]. *Antropologija. Jetnografija. Mifologija. Lingvistika: ketskij sb* [Anthropology. Ethnography. Mythology. Linguistics: Ket collection]. Ed. E. A. Alekseenko, I. I. Gokhman, V. V. Ivanov, V. N. Toporov. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Pp. 238–251 (in Russian).
- Hoang M. *Chingishan* [Khan]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1997. 352 p. (in Russian).
- Ivanov V. V. Ket-amerindejskie connections in the sphere of mythology [Ketsko-amerindejskie svjazi v oblasti mifologii]. *Ketskij sbornik: Antropologija. Jetnografija. Mifologija. Lingvistika* [Ket collection: Anthropology. Ethnography. Mythology. Linguistics]. Ed. E. A. Alekseenko, I. I. Gokhman, V. V. Ivanov, V. N. Toporov. Leningrad, Nauka Publ., 1982. Pp. 132–144 (in Russian).
- Karmanova Yu. A. *Leksicheskiy plast zoonimov v sel'kupskom jazyke (mezhdialektnyy sravnitel'no-sopostavitel'nyj analiz)*. Diss. cand. philol. nauk. [Lexical layer of zoonyms in the Selkup language (interdialectic comparative analysis). Cand. philol. sci. diss.]. 2013. 166 p. (in Russian).
- Kreynovich E. A. O nekotoryh jukagirsko-ural'skij jazykovykh paraleljah [Some Yukagir-Uralic linguistic parallels]. *Sovetskoe finno-ugrovedenie – Soviet Finno-Ugric studies*. 1978, no. 4 (14), pp. 241–249 (in Russian).
- Kurilov G. N. *Leksikologija sovremennogo jukagirskogo jazyka* [Lexicology of modern Yukagij]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2003. 288 p. (in Russian).
- Muzgin N. D. *K istorii osnovanija Chity i Nerchinska* [To the history of foundation of Chita and Nerchinsk]. Nercinsk, Nerchinsk museum Publ., 22 p. (in Russian).
- Pelikh G. I. *Sel'kupskaja mifologija* [Selkups mythology]. Tomsk, 1998. 78 p. (in Russian).
- Potaniin G. N. *Očerki severo-zapadnoj Mongolii* [Essays of northwestern Mongolia]. St. Petersburg, 1883. Issue IV. 1024 p (in Russian).
- Sel'kupsko-russkij dialektnyj slovar'* [Selkup-Russian dialect dictionary]. Ed. V. V. Bykonya. Tomsk, TSPU Publ., 2005. 348 p. (in Russian).
- Shavkunov V. E. *Vooruzhenie chzhurchzhjenez XII-XIII vv.* [Armament of Jurchen XII–XIII centuries]. Vladivostok, 1993. Pp. 38 (in Russian). State Archive of the Trans-Baikal region. F. 1, op. 1/5, d. 17513.
- Tsintsius V. I. O nazvanijah, svjazannyh s ponjatiem «narod» v tunguso-man'chzhurskij jazykah [On the names associated with the concept of “nation” in the Tungusic languages]. *Acta Orient. Hung. Separatum*. T. XV, Fasc. 1–3. L., 1962. Pp. 41–48 (in Russian).
- Tsybikdorzhiev D. V. Muzshkoj sojuz, družina i gvardija u mongolov: preemstvennost' i konflikty [Male union squad, Guard and the Mongols: Continuity and conflicts]. *Mongol'skaja imperija i kochevoj mir* [Mongol Empire and nomadic world]. Ulan-Ude, Izd BSC SB RAS Publ., 2004. Pp. 334–362 (in Russian).
- Tsydendambaev Ts. B. *Burjatskie istoričeskie hroniki i rodoslovnye (istoriko-lingvističeskoe issledovanie)* [Buryat historical chronicles and genealogies (historical and linguistic research)]. Ulan-Ude, 1972. 662 p. (in Russian).
- Tugolukov V. A. *Konnye tungusy (jetniceskaja istorija i jetnogenez). Jetnogenez i jetniceskaja istorija narodov Severa* [Equestrian Tungus (ethnogenesis and ethnic history). Ethnogenesis and ethnic history of the North]. Moscow, 1975. Pp. 78–110 (in Russian).
- Vasilevich G. M. *Jevenki. Istoriko-jetnograficheskie očerki (XVIII – nach. XX vv.)* [Evenki. Historical and ethnographic essays (XVIII – early XX cc.)]. Leningrad, Nauka Publ., 1969. 304 p. (in Russian).

Zhamsaranova R. G. Jetnonimija Daurii: problemy diahronnogo kontaktirovanija jetnosov [Ethnonymy of Dauria: the problems of diachronic contacting of ethnicities]. *Materialy XII Mezhdunar. nauch. konf. "Onomastika Povolzh'ja"* [Proceedings of the XII Intern. scientific conference "Onomastics of the Volga"]. Kazan, Kazan State University Publ., 2010. Pp. 121–125 (in Russian).

Zhamsaranova R. G. Neljudskij ostrog (Nerchinskij ostrog), Neljudskij rod tungusov: jetnojazykovaja prinadlezhnost' onimov v aspekte civilizacionnyh processov Severnoj Azii [Nelyudsky ostrog (Nerchin ostrog), Nelyudsky family of Tungus: ethnolinguistic identity of homonym in the aspect of civilization processes of North Asia]. *Kul'tury stepnoj Evrazii i ih vzaimodejstvie s drevnimi civilizacijami*. [Eurasian steppe cultures and their interaction with ancient civilizations]. SPb., IHMC RAS; Periphery Publ., 2012. Book 2. Pp. 555–561 (in Russian).

Zhamsaranova R. O genonime Guchitskij [On the genonym Guchitskiy]. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2013, vol. 10 (138), pp. 132–135 (in Russian).

Zhamsaranova R. G.

Zabaykalsk State University.

Ul. Alexandrov-Factory, 30, Chita, Transbaikalia territory, Russia, 672039.

E-mail: rebecca_zab@mail.ru